

Ольга Фокина, одна из самых титулованных вологодских поэтесс.

Текст: Александр Черняткин

ДЕВАЛЬВАЦИЯ СЛОВА

У вологодской поэтессы Ольги Фокиной ни дня не обходится без написания хотя бы нескольких стихотворных строк. И пусть они пишутся не на современные злободневные темы, зато полностью соответствуют настроению Ольги Александровны. Впрочем, как призналась поэтесса, сейчас она больше пишет для своих же коллег и для ценителей поэзии, поскольку общаться с широким кругом читателей становится всё сложнее: книги со стихами приходится печатать за свои же деньги, а выступать перед массовой аудиторией поэты практически прекратили. Но поэтесса надеется, что ситуация рано или поздно переломится.

— Существует такое мнение, что сейчас почти не читают, но я думаю, что это не совсем так. Я могу судить об этом по своей 19-летней внучке, — говорит Ольга Фокина. — Когда она приезжает в деревню ко мне на родину, просто не расстается с книгой. Причем читает классику. Думаю, что все новинки, которые нам принесла зарубежная цивилизация, безусловно, увлекают молодежь, но когда-то они этим насытятся и, надеюсь, вернутся к классической книге.

ЛИТЕРАТУРА — НЕ ХОББИ

— **Ольга Александровна, но ведь очень многие читают в Интернете...**

— Не могу говорить обо всех коллегах, потому что сейчас мы ведем довольно замкнутую жизнь, и даже писатели между собой довольно редко общаются. Но сама специально не занималась тем, чтобы выкладывать свои стихи в Интернет. Хотя не исключаю, что какие-то мои стихи там можно найти. Раньше мы собирались на ежегодные писательские отчеты в зале общества «Знание» и читали друг перед другом свои произведения. Мы видели, кто чем живет, к тому же это был большой стимул для того, чтобы почувствовать свою ответственность перед читателем. Нас почти еженедельно печатал «Красный Север», периодически публиковал «Вологодский комсомолец». Государство было заинтересовано в участии писателей и литераторов в жизни общества. Сейчас к этому больше относятся как к хобби, да и к текстам относятся слишком легко.

— **У вас отношение к текстам было более требовательным?**

— Конечно. Я за свою жизнь в стихах о себе написала не очень много. Мне хотелось больше рассказать о старшем поколении — поколениях моей мамы, ее ровесницах, о старших братьях. Мне казалось, что я должна была сделать маму счастливой. Пример деревенских жителей для меня всегда

являлся примером морали, честности и несгибаемости. Об этом я и рассказывала всю жизнь. А сейчас, мне кажется, у молодых совсем другое представление о творчестве. Они стараются показать себя необыкновенными, непохожими на других, как-то вывернуться, вставить ненормативную лексику. Я считаю, что это не задача литературы. Это работает только на собственный имидж.

Наша литература привлекала людей. Мы на концертах могли держать публику очень долго. Писатель Анатолий Алексин, который сейчас живет в Израиле, прилюдно говорил, мол, Ольга Фокина может полтора часа держать внимание слушателя, хотя я не обладаю никакими способностями и считаю, что не умею декламировать. Я просто говорю нашим обыкновенным родным русским языком. Мне приходилось выступать и с Булатом Окуджавой, и с Робертом Рождественским, и с Виктором Боковым, с Николаем Доризо, с Риммой Казаковой, с Расулом Гамзатовым. Народ приходил, слушал, интересовался. Буквально на днях меня остановила на улице женщина, говорит, вы меня не знаете, но я несколько лет назад была на вашем выступлении. Эта женщина начала читать мои стихи. Это далеко не единственный случай, когда люди, увидев меня на улице, подходили и начинали читать стихи.

СУДЬБА РЕШИЛАСЬ ЗА 5 МИНУТ

— **Вы родились в архангельской деревушке. Что послужило толчком идти в литературу?**

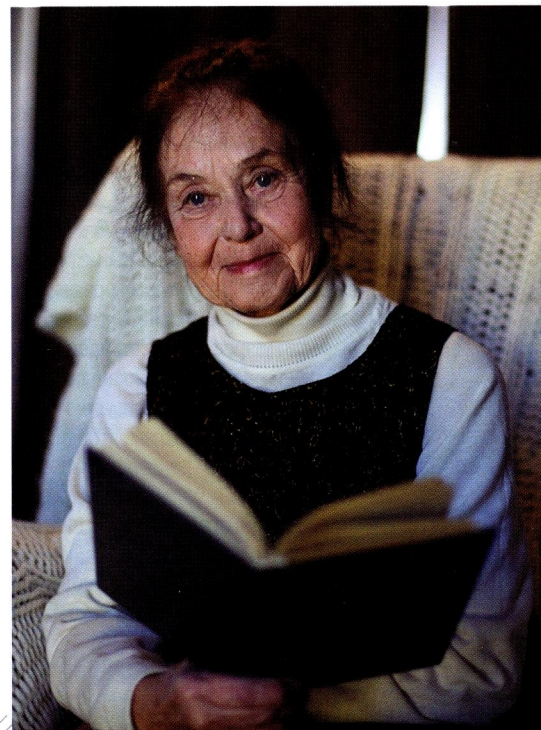
— Мы все в семье были книголюбивы. С раннего детства она пела нам колыбельные песни, читала стихи и сказки. Наверное, именно поэтому я и все четверо моих братьев полюбили чтение. И именно поэтому после окончания медучилища в Архангельске я поступила в Московский

литинститут. Позже меня даже трудоустроили в издательство «Советская Россия». Но там я проработала всего три месяца: так и не смогла прижиться в большом городе и уехала обратно в Архангельскую область.

— **А как оказались в Вологде?**

— Это отдельная история. Еще во время учебы в Архангельском медучилище я познакомилась с Иваном Дмитриевичем Полуяновым. Потом он переехал в Вологду. А с молодыми вологодскими авторами Сергеем Викуловым, Василием Беловым и Александром Романовым познакомилась еще в литинституте. Я предполагала, что после института буду работать фельдшером у себя на родине, а в свободное время писать стихи. Но место фельдшера оказалось занято. Я и решила, что нужно куда-то двигаться, а Вологда оказалась самым удобным местом — как раз между Москвой и моей родной деревней. Я написала письмо Викулову, он быстро ответил: «Приезжайте».

Правда, когда приехала в Вологду, Сергей Васильевич уехал в командировку,

и я обратилась к Попуюнову. Мы вместе пошли в обком партии на прием к одному из руководителей по фамилии Сталь. Тот нас принял и сказал, чтобы я сама искала себе работу и место жительства, а года через три он посмотрит, на что я способна. Я в полной безнадеге вернулась в гостиницу, абсолютно не зная, что делать — за окном ноябрь, холод, неопределенность...

Но через день вернулся из командировки Викулов, нашел меня и повел прямо к Дрыгину, который тогда только начинал работать первым секретарем. Правда, к самому Дрыгину зашел только Викулов. Я ждала в приемной. Сергей Васильевич вышел минут через пять, сказал, что есть распоряжение о моем заселении в комнату на Октябрьскую, 19, и я была устроена литсотрудником в редакцию газеты «Вологодский комсомолец». Так началась моя жизнь в Вологде.

СТАТЬЯ В СТИХАХ

— Работая в газете, вы попутно писали стихи?

— В газете я проработала всего около года, а потом ушла на вольные хлеба. Я

тогда быстро поняла, что я не журналист. Даже если пыталась сделать какой-то репортаж, он у меня получался в стихах. Слетала в Тарногу за материалом — привезла несколько стихов. Я поняла, что мне нужно не фактами оперировать, а посмотреть на события и явления намного шире. К тому же вскоре начали выходить мои книги, за которые я получала гонорары, так что можно было жить. Потом я вышла замуж, у меня сначала родилась дочь, потом сын...

— То есть в советское время можно было прокормить себя литературой?

— Мне обижаться на судьбу не приходится. У меня счастливая литературная судьба. Мне очень жаль тех времен, когда каждый более-менее талантливый писатель был замечен, потому что проводились литературные совещания молодых писателей. Я, например, была участницей 4-го совещания писателей, после которого меня сразу приняли в члены Союза писателей, радиостанция «Юность» пригласила нас, несколько молодых авторов, в гости, где у нас спросили, куда мы хотели бы отправиться в командировку? Я сказала, что мечта моего детства — побывать в «Артеке». Меня практически сразу на три недели отправили в «Артек». Вообще, в то время затеряться было трудно. К нам было большое внимание.

ЖИВАЯ АУДИТОРИЯ

— А выступать много приходилось?

— В то время активно работало бюро

пропаганды писателей, которое приглашало выступать в разных залах — от Концертного зала имени Чайковского или Колонного зала Дома союзов до актовых залов заводов и предприятий или, к примеру, импровизированных площадок в казахской степи. При этом за каждое выступление платили по 50 рублей.

— Сейчас уже не приглашают с выступлениями?

— Сейчас я должна сама платить за аренду зала. Недавно, правда, Архангельская филармония приглашала выступить меня вместе с дочерью Ингой, которая тоже пишет стихи, на совместный вечер. И хотя билеты стоили по 300 рублей, зал был полный.

— Как тогда можно оценивать, что недавний концерт Евгения Евтушенко в Вологде собрал всего ползала?

— Видимо, недостаточно хорошо поработали организаторы концерта. Я, правда, сама на этом концерте не была, но ходила дочь Инга. Она тоже была удивлена, что зал был полон лишь наполовину. Евтушенко, насколько знаю, был обижен. Хотя я к нему вообще отношусь довольно сдержанно, поскольку именно Евтушенко в свое время был одним из разрушителей нашего общего Союза писателей. Эта вражда идет до сих пор, и сейчас писатели разъединены. Даже в Вологодской области есть несколько объединений поэтов и писателей, и мы порой даже не знаем своих коллег.

СОМНИТЕЛЬНАЯ ПОПУЛЯРНОСТЬ

— С молодыми авторами, в частности, с поэтами, вы знакомы?

— На слуху Ната Сучкова, Маркова Мария, Антон Чёрный, Мария Суворова. Недавно прочитала сборник Антона Чёрного. Называется «Зеленое ведро». Знаете, что удивило? Никакого просвета в жизни Антон, по-моему, не видит. Я не готова воспринимать такие вещи. Для меня поэзия — это действительно приближение к Богу, поскольку поэты — посланники Бога на Земле. От поэзии должна быть какая-то благодать. Мы должны идти к читателю с чем-то хорошим и добрым. Я не понимаю, когда оскверняют слово, когда в стихах нет логики. Как будто авторы никогда не читали ни Лермонтова, ни Некрасова, ни Пушкина и творят какую-то свою литературу. Зачем какое-то фасеточное зрение? Для меня это абсолютно чуждо. Поэтому я не понимаю, зачем нужно объединяться с такими авторами? Только ругаться будем. Мы будем отстаивать свое, они свое. Ведь у молодых авторов сейчас кто сильнее извернется и кто громче крикнет, тот более популярен.

Я же считаю, что непременно должна быть редакция, чтобы люди объясняли авторам, что хорошо и что плохо. И книги должны выходить под контролем знающего человека. Потому что сейчас происходит девальвация литературного слова.

— Но с другой стороны, сейчас у молодых авторов нет таких условий, в которых раньше находились писатели и поэты. Поэтому они и стремятся громче крикнуть. Иначе вообще не будут услышаны.

— Конечно, а потом еще и премию дадут. А что толку? Ты знаменит, но ты разбойник. Надо думать о высшем предназначении слова, а не о том, чтобы оно сослужило пользу только тебе. Человек все-таки живет для общества.

— Может, тогда есть смысл учить молодых авторов?

— А чем учить? Сейчас всё поставлено с ног на голову. России не нужны создатели, ей нужны потребители. То, что раньше исповедовали мы, теперь мешает обществу. Нам нужно, чтобы и совесть была, и мораль соблюдалась, а теперь только пропаганда насилия и богатства. Для меня

это абсолютно не идеал. На самом деле человеку немного надо, чтобы чувствовать себя счастливым.

ЗАПАХ СТИХОВ

— Как вы считаете, объявленный Год литературы что-то может переменить в отношениях к литературе?

— Не думаю. Этим должно заниматься государство на высшем уровне. А местным властям даже книгоиздательством заниматься трудно. Вот у нас журнал «Вологодский лад» худо-бедно выходит, уже хорошо.

— Вы знаете, как обстоят дела с литературой в других странах?

наших слов. Когда мне пришло предложение из Франции перевести мои стихи и поработать с переводчиком, я отказалась, потому что меня трудно переводить. У меня своеобразный деревенский язык. В переводном варианте он потеряет свой запах, свои оттенки. Мне надо, чтобы мои стихи были только на русском языке.

— От местных властей сейчас вам есть какая-то поддержка?

— Например, лично мне присвоили звание Почетного гражданина Вологды. Это уже хорошая поддержка. Портреты на растяжках делают. Чем еще они могут нам помочь? В том же Союзе писателей не платят заработную плату, за телефон, бывает,

— Когда в 80-е годы мы ездили в Канаду и жили у разных людей, я была удивлена, что у них в домах нет книг. То есть и в те годы книга не была популярной — ни поэзия, ни проза. С другой стороны, в Австралии в книжных магазинах есть даже все наши вологодские авторы: и Василий Иванович Белов, и Фёдор Абрамов, и Астафьев есть, даже были на кассетах выступления Северного русского народного хора. Вообще, признаюсь, что я — законченный русофил и не склонна к зарубежной литературе. Она меня не вдохновляет. В ней, на мой взгляд, преобладает мрачное настроение. Я хочу добра и света, а там — капитализм, который лично моему организму противен. В зарубежье еще довольно усредненный язык. Там нет

заплатить нечем. Хотя во многих областях писательских организаций уже вовсе не существует. Не очень хочется, чтобы и у нас так было.

Я считаю, что литература должна быть поддержана на государственном уровне, а местные власти должны решать бытовые вопросы. Вообще, в тех странах, где есть проблемы с прекрасным, приходится усиленно работать полиции и другим силовым органам. Воспитывать человеческую душу надо с малых лет. Надо петь детям колыбельные песни, читать книги и учить их добру и заковедям. Постоянно говорить о старшем поколении и ни в коем случае не говорить, что всё, что было вчера, это плохо, потому что без прошлого нам не построить будущее.